

Глеб Шульпяков, Леон Цвасман

ПОЭТ И ФИЛОСОФ: ДИАЛОГ

11. ОБЩЕНИЕ

{Глеб Шульпяков, поэт} Одна из вещей, поразивших меня в Германии, была немецкая пивная. Чтобы уже за пустой кружкой пива интеллигентного вида люди продолжали часами обсуждать политику, искусство, путешествия? В России это невозможно. Причем часто это были люди, до этого вечера между собой незнакомые. На фоне тотального российского отчуждения это желание людей слышать и понимать другого мне кажется чрезвычайно важным. Но что лежит в основе этой традиции? Насколько она плодотворна? опасна? ведь «фюрер» начинал именно в таких пивных?

{Леон Цвасман, философ} Твой вопрос актуален, ибо скоро в Мюнхене Октоберфест, а это воистину эпических масштабов событие. Впрочем, актуальным оно останется и для тех, кто прочтет наш диалог позже, ибо все что «после Октоберфеста», это, как здесь говорят, «до Октоберфеста». Как, впрочем, и февральский Карнавал, и майские гуляния с фейерверками, а с недавних пор еще и Хэллоуин, не говоря о множестве локальных праздников городов, улиц, районов. Да, жизнь немца в Германии почти каждые два месяца сдобривается праздниками, главными составляющими которых являются пиво, набор сезонных деликатесов крестьянской кухни и все чаще костюмированное переодевание. Но главное в таких праздниках это возможность обсуждения политики, искусства и пр. с незнакомыми людьми.

Обсудить со случайными подвыпившими соседями по стойке политику или спорт — вот главная радость местных мужчин. Женщи-

Начало см. в №6'2014 и №1'2015.

ны обсуждают еще и одежду, и семейные неурядицы — с подругами, родственниками или друзьями. Студенты учебу, а интеллектуальные творческие маргиналы несовершенство общества. Это делается не только в пивных (они называются «кнайпы»), но и на студенческих вечеринках, например, и вообще на любых мероприятиях, куда приходят незнакомые люди и где есть пиво. Представь себе молодежную вечеринку, на которой группки экстравагантно одетых гостей (с пирсингом и тату) монотонными голосами обсуждают серьезные насущные проблемы. Для русского человека это дико, правда?

Анонимный диалог, какой чаще всего ведется в пивной, есть абсолютно естественное человеческое желание взглянуть на свои представления с позиции наблюдателя, не сильно рискуя при этом собственной репутацией. Проверить себя и свои убеждения. Это крайне прагматичный мотив людей, склонных к честности с собой. Хотя есть тут и элемент презумпции солидарности: «Эти приятные незнакомцы сидят в моей любимой кнайпе, владеют моим языком, у них похожие интересы и они находятся в том состоянии, чтобы не стесняться случайных ляпсусов». Так? Хотя не менее естественно и желание человека просто по-доброму раствориться среди таких же, уравненных рудиментарной структурой древнего напитка, людей. В пиве, говорят, есть доля женских гормонов хмеля, которые приводят комплексность обыденности к общему знаменателю. А, возможно, это еще и влияние паранойи как дневного элемента национального характера.

Традиция эта опасна и плодотворна одновременно. Опасна, если мужчины, расслабляясь в кругу себе подобных, ищут истину в речах фанатичного выскочки, взгляды которого слишком абсурдны для дневной дискуссии. И плодотворна, если они хотят лучше понять себя. Почему у тех, кто тебя окружает в Москве, этого естественного желания не возникает? Как-то раз я спросил одного моего знакомого немца-этнолога, путешествующего в отдаленные и даже небезопасные уголки мира, почему он больше не ездит в Россию. Он ответил, что в середине 90-х, в Петербурге, он решил поужинать с подругой в кафе; они тихо выпивали, закусывали и никому не мешали. Неожиданно к ним подошел сильно пьяный человек. Он со всего размаху попытался ударить моего знакомого, но промахнулся и сломал стул. Ужин, а вместе с ним и образ страны — были безвозвратно испорчены. О чем говорит этот случай? Которых, возможно, тысячи? О том, что жители

России склонны нарушать любые конвенции здравого смысла, свойственные человеческой коммуникации даже в Африке или тундре. И для человека приезжего это свойство элементарно опасно. Возможно, дело в химическом составе традиционного в России напитка, грубого и сильного. Или это компенсация дневной шизофрении как обыденного элемента национального характера? И что тогда движет простым русским человеком, когда он встречается с себе подобными в обстановке семейного торжества, ночного клуба или у стойки бара?

{Поэт} «Простой русский человек» рождается и живет в обществе, в котором отношения между людьми построены на взаимном унижении. На утверждении превосходства над «низшим по званию» (возрасту, национальности, полу). А «механизм компенсации», стало быть, движитель русского прогресса, если можно так выразиться. Униженный унизит и так далее. Агрессия разлита в воздухе, ты ею дышишь; цепочка унижений бесконечна и замыкается в порочный круг. Однако парадокс, который со стороны часто принимают за абсурд или варварство (как в случае с твоим немцем), заключается в том, что, направленная на тебя, к тебе эта агрессия чаще всего не имеет прямого отношения. Это всегда битва с призраками. Человек, который брызжет на тебя слюной в социальных сетях, на самом деле продолжает мстить уроду-старшекласснику, который избивал его и отбирал деньги двадцать-тридцать лет назад в школе. Выпивший мужик в баре скандалит не с барменом, а с теми, кто издевался над ним в армии. Или с призраком женщины, которая не ответила на его притязания. И так до самой верхушки. Российская политика похожа на опасное шоу, где-то рядом должен находиться доктор и скорая. Поначалу тебе кажется, что все это эксперимент под наблюдением лечащего персонала. Случай из практики психолога по «травмам подросткового возраста». Однако это не медицинское шоу, это реальность. Вместо скорой — автозаки.

В диалог нельзя вступать как в драку. Настоящая победа не бывает на стороне того, кто убеждает, подавляя и навязывая. Для диалога нужен хотя бы один общий нейтральный знаменатель. Например, конвенция здравого смысла, о которой ты говорил мне. Без этого знаменателя диалог с посторонним возможен только у бомжей, выпавших из этого общества. Но готов ли человек пойти на это?

Любое собственное мнение; нелепое, смешное, абсурдное, глупое, но собственное. По итогам собственных наблюдений и выводов. Соб-

ственных размышлений. Без этого в немецкой пивной наступила бы тишина и звон тарелок. Но где взять собственное мнение в России? От Белого до Черного моря я слышу только одно мнение и это мнение из телевизора. Я готов слушать человека и убеждать человека. Но я не могу вести диалог с телевизором, который говорит в человеке. Боюсь, он вряд ли меня услышит. В этом смысле мы катастрофически однородны. Понятие «другого», «постороннего» здесь враждебно. Племенное начало преобладающее. Сохранить собственное «я» можно только на уровне мелких развлечений. Тема для разговора в пивной — спорт, бабы и начальство (для мужиков) и дети со шмотками (и мужиками) у женщин. Все остальное и так ясно. Это патологическое единообразие необходимо, когда племени угрожает реальная опасность (ледниковый период, татаро-монголы, «фюрер»). Но в современном мире? Это обочина. Это война с призраками. «Я придерживаюсь другого мнения, но готов умереть за то, чтобы у вас была возможность высказать свою точку зрения», — для россиян это логика инопланетянина. Желание иметь собственное мнение убивают здесь, начиная с детского сада. Зачем? Два взгляда на один и тот же предмет дают повод к сомнению, а сомнение ведет к развитию умственных способностей. Непопулярное в России занятие. Ты можешь спросить, что же со всем этим делать? Что будет? Будет железный занавес. Только пройдет он не по границам государств, а внутри человека. Стеной, которой мы отгораживаемся от *другого*, мы отгораживаемся от себя. Другой — внутри нас, и у него нет шансов выжить. Самые высокие заборы в России, не правда ли? В лучшем случае эскапизм, уход во что угодно нейтральное, личное, приватное. В музыку, кулинарию, внутренний туризм, магию и эзотерику. В классическую литературу и санскрит, вспомни совок и застой. Эскейп как способ накопить внутреннюю энергию. Но можно ли жить этим вечно? Вряд ли.

12. СМЕХ

{Философ} Сегодня я слышал отрывок анекдота (в Германии их называют нейтральным словом «шутка»). Один пожилой кельнец рассказывал другому: «Мужик в булочной: Мне 30 булочек, пожалуйста. А ему в ответ: Возьмите 40, тогда ваш пакет точно лопнет». Прокрутил его в голове по-русски, сложился смысл. Редкость, ибо

немецкий юмор сложно быстро перевести на русский без потерь. В современном дискурсе скептиков культуры, однако бытует мнение, что юмор — это способ освобождения от комплексов «важности», призванный гасить повышенное чувство ответственности. Похоже на правду, если понаблюдать. А что ты скажешь о роли юмора в окружающем тебя мире? И тех изменениях, которые он претерпел в постсоветский период? Я, кстати, до сих пор помню советские комедии, а среди моих русскоязычных знакомых множество фанатов всех возрастов, цитирующих их по любому поводу.

{Поэт} У меня на столе лежит огромный том «Советский анекдот: указатель сюжетов». Книга начинается с Троцкого, который завещал свой мозг Сталину, а спирт, в котором его привезут, Рыкову. А заканчивается объявлением «В интеллигентную русскую семью требуется еврейский зять на выезд». То есть вся история страны. С той разницей, что ближе к «еврейскому зятю» за анекдоты уже не расстреливали.

Похожие анекдоты я смутно помню по «взрослым разговорам» или в детском изводе про Чапаева. Но в наше время? «Я просила крем, а это Крым», «А что ты сделал для своей девушки?» (лозунг зимней Олимпиады). Нищенский набор, по правде сказать.

В старших классах я получал «неуды» за смех. Это было справедливо, своими хохмами мы срывали уроки, я и мой школьный товарищ (дохохотавшийся, кстати, до профессуры в Америке). «Для вас нет ничего святого», «Язык твой — враг твой», «Расскажите классу, посмеемся вместе». Смеялись над школьным официозом, хотя советский мир уже трещал по швам. Над тем, что сами выдумывали. Над собой, особенно, когда первая любовь. Большинство тем, доступных подростку, все еще было испачкано идеологией, мы говорили цитатами. «12 стульев», потом «Мастер и Маргарита». Потом Салтыков-Щедрин. Цитаты из Гребенщикова. Какие-то комедии, которые сейчас смотреть невозможно. Ржали до упаду, буквально — однажды я чуть не упал с лестницы, разбил очки. Устраивали концерты в очередях и транспорте. «Хватит идиотничать» было любимым выражением нашей классной. Но какое точное. Идиот! Один из центральных персонажей русской литературы советского периода. Идиоты Зоценко, идиоты Ильфа и Петрова и Олеси, «этот идиот Довлатов», идиоты Саша Соколова, «идиот» Ерофеев. Идиотизм как реакция на

сверхсерьезный соцреализм. Даже в университет я поступал, давясь от хохота — писал сочинение по «Истории одного города». Но дальше? Не помню. Большому Злу большой империи — большая Хохма, но когда между тобой и миром больше нет стен, смеяться, кроме как над собой, не над чем. Искусственный смех из телевизора — все, на что мы можем рассчитывать. Чем еще рассмешить людей, которые думают одинаково?

Как это ни странно, смех мне вернула моя деревня. Умирающая русская деревня и смех, дико и странно. Но для этого стихийного юмора в русском языке есть очень точное определение: «и смех, и грех». Растянутое во времени отчаяние, чье проявление в быту, как правило, комично. Но этот смех невозможно понять без погружения. Без того, чтобы самому стать заложником этого юмора. Слишком серьезно городской человек к себе сегодня относится. Самоирония — это не к нему, патриотизм и юмор несовместимы. Лучше я расскажу тебе один случай. Он не смешной, скорее печальный. Но показательный. В нем есть все: и наш «серьез», и «общее тело», и «общее дело». Слушай. В конце лета в Москве резко подорожало метро. Это было ожидаемо, если страна влезает в такие геополитические авантюры. И вот я стоял в кассу метро, а впереди пожилая женщина что-то возмущенно высказывала по этому поводу. «Зато Крым ваш», — решил пошутить я. Она обернулась. Я был готов к худшему, но женщина только мягко поправила меня: «Наш, — ласково сказала она. — Наш»... Кстати, твой немецкий анекдот про пакет и булочки я так и не понял.

{Философ} Помимо Логоса, юмор — одна из фундаментальных интриг человеческой культуры. Язык делает возможной совместную деятельность людей, а юмор — ощущение «нормальности». Чем менее естественна среда обитания, тем выше чувство юмора, и наоборот. По моим межкультурным наблюдениям, юмор — это защитный механизм, рассеивающий внимание. Он позволяет взглянуть на неестественность со стороны, а не свысока. Но одновременно это и способ отстранения от абсурда искаженной протиестественными отношениями действительности. Я не имею в виду политику или какой-то там «канонический культурный уровень», типа «мы едим вилок, а они палочками, дикари». Я имею в виду любые отношения, построенные на правилах, смысл которых тебе не понятен. Для

современного человека это настолько естественно — не понимать мир, в котором он живет, что сам поиск смысла для него абсурден. Дело не в знании типа два плюс два равно четыре, а в понимании. Что такое юмор, число, деньги, любовь? Каков их смысл? Если человек живет в мире, где есть «правильные», «признанные» и «реальные» понятия, то и базис юмора стабилен, понятен и популярен в широких кругах, что и отражает русское слово «анекдот». Если же общество признало себя «плюралистичным», и равноправие разных понятий, подходов и мнений составляет его культурную основу, то юмор становится скромнее, сложнее, филиграннее и кулуарнее, что ли. Вот и подвел непосредственно к твоему вопросу. Так вот, немецкое общество за очень короткое время стало относительно плюралистичным, в интервале двух поколений. Пожилой кельнец — герой «моего» анекдота — осознал, что надо быть толерантным. Не потому, что это директива, а потому, что он тупо понимает только свой сегмент реальности, а своего сына, внука, соседа-трансвестита уже не понимает. Но догадывается, что они не хуже, а просто другие. Он также знает, что не следует пытаться понять мотивы поведения другого, лучше просто реагировать, вежливо. Но это грузит, и он хочет освободиться от этого груза. Он доводит его до абсурда в «шутках», чтобы оттенить тот минимум нормальности, который в узких кругах ему подобных называют «здравым смыслом». Вообще здравый смысл в узком кругу — это одиноко, это именно то, чего боятся «великие народы»: осознать свое одиночество в бесконечном море разнообразных «нормальностей».

Но вернемся непосредственно к нашим булочкам. Этот анекдот — классический пример «доброго» черного юмора. Человек пытается засунуть 30 булок в маленький бумажный пакет. Каков его мотив? Неизвестно. Ибо если бы он был «нормальным» (ну, как сам пожилой кельнец или его старый приятель), то просто бы попросил мешок побольше. Ведь так? Но он этого не делает. Вполне вероятно предположить, что он хочет, чтобы мешок лопнул. Почему бы нет? Его право. В любом случае, вполне логично вежливо посоветовать ему, как скорейшим образом придти к искомому результату. Скорее всего, это сарказм и немного иронии, и еще что-то капризно-параноидальное. Напоминает классическую ситуацию, когда едешь на велосипеде по тротуару, не «там, где положено» (на велосипедной дорожке), и далеко перед тобой идущий немецкий старик вдруг рез-

ко разворачивается и, стоя на дороге, ждет твоего приближения. Типа «дави, собака, всех не передавишь».

13. ОСНОВНОЙ ИНСТИНКТ

{Поэт} Ты уехал в Германию в начале 90-х, когда «секса в СССР» не было, он только «начинался». В страну, чей язык для большинства моих постсоветских сверстников ассоциируется не только с войной, но и с порнографией. Причем какой-то радикальной, доведенной до автоматизма. Скажи, что в реальности представляет собой немецкая сексуальность? Откуда эти мифы о безумной немецкой порнухе?

{Философ} Первые годы в Германии были для советского юноши с Урала в плане эротических переживаний культурным шоком. Ибо если в СССР, как ты сказал, секса не было, на Урале его не было и подавно. Соответственно он должен был быть за границей. Культивированное вне просвещенной «эротики» Запада, но плотно окутанное мифами и фантазиями, мое сознание на каждом немецком углу натыкалось на яркие раздражители. В основном это были секс-шопы, и только отчасти жесткие местные девушки, совсем не похожие на Василису Прекрасную — «секс-символ» моего детства. В обоих случаях я не видел ни намека на эротику. Зато в магазинах было множество непонятных, но занятно упакованных предметов и радикально глянцевого журналы, то есть настоящая выставка достижений народного хозяйства какой-то инопланетной цивилизации.

Позже я узнал, что одну из сетей подобных магазинов основала в 50-х вдова Беате Узе, весьма одиозная дама, о которой здесь до сих пор пишут книги и снимают фильмы. Она не только нажила на этом приличный капитал, но и положила начало целой отрасли экономики с миллионными оборотами. Чему именно служат все эти приспособления, я не понимаю до сих пор, поскольку при всем желании не могу связать пластмассу, лак, кожу и резину с той сферой бытия, которая в моем ощущении непосредственно связывает человека с природой. Но я понял, что передо мной не только законная, но и вполне уважаемая отрасль экономики. К ней, кстати, относятся и кинотеатры для онанистов, и вечеринки для фетишистов, и другие институты той культуры, в которой таинственное и предельно есте-

ственное каким-то образом превращалось в техногенное и связанное с деньгами.

Потом были другие экскурсии: огромные, пахнущие хлоркой стерильные бордели, больше напоминающие советский роддом. Причем стерильны они были не только в буквальном, но и в переносном смысле, поскольку работницы (нередко преклонного возраста) считали себя еще и социальными педагогами. А потом я осознал и смысл всего этого. Он заключается в индустриальной трансформации мужской сексуальной энергии. Оказывается, в своем «агрегатном состоянии» это природное «сырье» поддается не только экономической утилизации, но и маркетинговой классификации, научной категоризации, логистической упаковке и даже эзотерической трансформации.

Один мой знакомый первых лет в Германии был крайне образованным человеком и часто рассказывал мне — как «старший товарищ» — обо всех тонкостях немецкой «social history» (его англицизм). Как и многие немцы поколения 70-х, он был склонен к паранойе. Каждые пару месяцев он радикально менял образ жизни. Он был и публицистом, и коммунистом, и даже шаманом, а в какой-то момент и порнографом. Последнее занятие он воспринимал как искусство, изучил все тонкости операторского мастерства, объездил глубинку Восточной Германии, выискивая для съемок татуированных сорокалетних теток и пожилых качков. Но о его занятии, которое может показаться тебе экстравагантным, одиозным, сомнительным или романтичным, мы почти не говорили. И дело не в том, что его «просвещение» вызывало у меня внутреннее моральное отрицание, но из-за простой человеческой скуки. В какой-то момент все это становилось невыносимо безрадостно. Точно так же безрадостно, как все эти серьезные немецкие дяди с их сверхотеческими манерами, как их угловатые супруги со следами чрезмерно бурной молодости на лице. Как терапевтический массаж, ортопедические чулки или медицинская гимнастика. Надеюсь, ты понимаешь, о чем я.

Это и есть просвещенный подход к «влечению полов» (немецкие журналисты часто называют его «обменом жидкостями тела»). Мэйнстримный подход, в котором все определяется, анализируется и продается. Подход нередко до слез дебиловатый и политически корректный до умопомрачения. Таким он предстал мне в Германии. Ханжеский по сути, но безобидный по форме, то

есть обезвреженный. К нему относятся и «подвалы пыток» с замысловатыми инструментами из строймаркета у добропорядочных пожилых пар, и вечеринки для фетишистов кожаного белья и многое другое. Этот тот постсексуальный фон, на котором в Германии только-только начинают проклеиваться ростки какой-то новой естественности.

В первые годы я столкнулся еще с одним явлением, о котором русские туристы до сих пор пишут длинные очерки, полные иронии, удивления и даже восторга. Однажды пожилые знакомые пригласили меня в сауну. При упоминании этого слова в моем сознании разворачивались картины помывочных залов. Шайки, лейки, темные и жаркие парилки, веники и шапочки, мужики с пивом и воблой, бабушки с термосами и т.д. Однако то, что я увидел в немецкой сауне, поразило меня не меньше туристов. Это были не только сморщенные старухи и старики с грыжами, но и вполне миловидные девушки, тоже полностью обнаженные. Показывать признаки влечения в таком месте было гораздо неприличнее, чем раздеться в Кельнском соборе, и постепенно я освоил технику физического неприсутствия. Это место уводило тебя в какое-то почти астральное состояние. Называемые здесь «термами», эти нордические водные «филиалы Валгаллы» стали для меня местом, где можно отдохнуть не просто телом или душой, а какой-то удивительной формой их единения, которая преодолевала твою сексуальность. Со временем я заметил, что туманный полусвет этих чрезвычайно стильных и глубоко асексуальных храмов отдохновения — одно из немногих мест в Германии, где по-настоящему приятно находится в чисто немецком обществе.

Почти все общества современного мира так или иначе используют мужскую, а некоторые и женскую сексуальность в качестве сырья, расщепляя ее первичную целостность для получения энергии, которую я называю «инфосоматической» — отделяя ее от любви, природы, смысла и выстраивая сложные механизмы канализации. Если это «сырье» сравнивать с теплом физики, то каждая культура пользуется своим типом двигателя. В Германии он напоминает двигатель внутреннего сгорания, на котором — крайне экономно, используя каждую капельку ценного ресурса — работают целые институты Системы. А теперь скажи мне, что происходит с этой энергией в России?

{Поэт} Все, что в России связано с «влечением полов», до сих пор архаика и анархия. Бесконтрольная и неучтенная энергия. Ее излучение пронизывает буквально все сферы нашей жизни. Западный мужик сходит на московских улицах с ума, ему кажется, что в элитном борделе день открытых дверей. С одной стороны, это невероятно заводит. Область, неподвластная ничему, кроме ее пользователей, замечательная русская вольница. С другой, я вижу, насколько разрушительна эта стихия — для дела, которое с ней, например, никак не связано. Хотя: есть ли на свете дело, не имеющее сексуального подтекста? И как тогда ввести этот подтекст в нужное русло? Хотим ли мы этого на самом деле? Возможно ли нормальное питание там, где в ходу дешевая калорийная пища?

На нерастроченной сексуальной энергии русских женщин работают заводы, больницы и школьные учреждения. Стоят города и все никак не вымрут русские деревни. При тотальном избытке «женского» российский мужчина вынужден почти всю жизнь ходить «в мальчиках». Все эти брутальные мачо на брутальных авто, которых полно на московских улицах — это, по сути, «мальчики»: школьники, подростки, студенты. В женщине таким нужна мамочка. Она будет утирать им сопли и слезы, и принимать сперму. Мальчики ищут мамочку, а девочки ждут принца, фатальное расхождение. Доросшие до директоров, депутатов и президентов, эти «мальчики» все так же продолжают ломать, терять и пачкать, только теперь на уровне мировой политики. А родина-мамочка все находит, все штопает, все чистит. «Мальчики» пьют и колются, бьют друг другу морды. Назло мамочке они могут отморозить уши, мамочка все равно вылечит, а если не вылечит, то оплатит и оплатит похороны. Вырастит осиротевших детишек, которые станут кем? правильно, такими же вечными «мальчиками». Круговорот подобной жизни составляет основу русского бытия. «Мальчику» в нем чрезвычайно комфортно (хотя и недолго) живется. Ничего не надо решать, ни о чем думать. «Бабы еще нарожают», как заметил кто-то из сталинских мальчиков-людоедов.

Наверное, надо бы кое-как цивилизовать эту стихию. Соорудить канал «слива», зарабатывать на нем деньги — как в Германии. Не знаю. Стихия мне милей Системы, но готов ли я платить за нее означенную цену? Тупик, точка. Давай-ка я лучше снова расскажу историю. Она приключилась несколько лет назад во времена моей

телевизионной жизни, когда мы делали программу об исчезающей архитектуре «Достояние республики». Мы тогда много ездили по стране, неделями жили в убогих провинциальных гостиницах. И вот как-то раз осенью не то под Орлом, не то под Пензой мы как следует вымерзли (снимали мы целый день «на воздухе»). И я, чтобы не заболеть на съемках, решил сходить в сауну (эта услуга имелась в гостиничке). Я заказал ее по телефону прямо с дороги и, полуокочевевший, влез в парную прямо из машины. Она слабо теплилась, но мне было достаточно. А когда вышел, увидел в предбаннике девушку. Она сидела полураздетой, и я увидел красный длинный тонкий шрам под левой грудью. Я не мог оторвать от него взгляда, если честно. Ей было лет двадцать, но жесты? Убитая жизнью баба. Потом я очнулся и попытался ее выпроводить. Но дверь оказалась снаружи запертой (от ментов, как потом выяснилось). Теми же равнодушными, машинальными движениями она оделась. Мы разговорилась. Ее история была унылой: школа, а потом ее втянула подруга. Ну и закрутилось. А шрам — это след от ножа, которым ее полоснул «один козел», «азер». «И что ты думаешь делать дальше?» — спросил я. «Накоплю денег и уеду в Москву», — ответила она. При слове «Москва» ее взгляд впервые за вечер вспыхнул. Она оживилась. Похоже, в эту мифическую страну «Москва» она по-настоящему верила. А потом время вышло, и нас, наконец, выпустили. Мой «эротический вечер» закончился. Вот и все, собственно. Но и нет, не все. Потому что если когда-нибудь я соберусь написать новеллу о русском сексе, я возьму именно эту историю. Эту девушку со шрамом под левой грудью. Не помню, как ее звали, Наташа, наверное.

14. В ОТПУСК

{Философ} На языке немецкого обывателя отдых в отпуске называется «смена обоев». Немцы всегда с огромным интересом расспрашивают друг друга о подробностях поездки. Здесь считается, что нельзя дважды войти в одну и ту же реку. Любая поездка — это чудо, даже если ты был за огородами. А вот мои русские знакомые обычно откликаются одной фразой: «Брюгге? Мы там уже были. А вот на Кубе (или в любом другом месте из далеких и экзотических)...» и т.д. Для немцев отпуск (Urlaub) — это мистерия. Она делает мудрее,

расширяет сознание или просто дарит радость, но она необходима, как воздух. Ничто не вызывает такого сострадания, как фраза «Я два года не был в отпуске». Что ты скажешь о русском отдыхе? Что это сегодня?

{Поэт} По правде сказать, я мало знаю о том, как здесь отдыхают. Но то, что мне известно, чему я был свидетель, говорит о том, что в отдыхе наш человек ищет не переключения, не «смены обоев» — а выключения. «Отключки», говоря простым языком. Наше сознание настолько засорено, затравлено и отформатировано повседневностью (а теперь и пропагандой), что человек просто вынужден отключать его, чтобы хоть как-то от всего этого избавиться. Русский отдых — это разновидность сна. Транса. Но это и смена роли. Побить в чужой, лучшей шкуре. Пожить жизнью, когда не тобой, но ты. Не тебя, но тебе. Домохозяйка в турецком отеле скандалит на пустом месте не только потому, что она стерва. А потому, что весь год с ней скандалит ее собственный муж. И теперь у нее есть возможность отыграться. Все это довольно тривиальные вещи, в которых может разобраться любой, имеющий глаза и «бодрствующий рассудок». Скверный анекдот, над которым даже мы устали смеяться. То, что может хоть как-то приободрить, то, что вошло в моду и становится хорошей традицией, особенно среди молодежи — это внутренний туризм. Он довольно неплохо развит в стране, хотя еще пятнадцать-двадцать лет назад о нем не могло быть речи, поскольку не было в таком количестве частного транспорта. Это такой brutальный, бойскаутский, я бы сказал, туризм, ведь дороги у нас сам знаешь какие. Культурно-экологический (памятники-природа) с элементами экстрима первопроходцев (доедешь-не-доедешь). Мне это хорошо известно, поскольку в тверской деревне, где у меня изба, мы нередко занимаемся такими вылазками, и не мы одни. Это, конечно, далеко не германский уровень, который поразил меня тем, что именно для своих, внутри — потрясающе развит и недорог. Но движение, оно именно в эту сторону. Помимо транспорта, которого при совке у людей просто не было, это гостиницы. Они теперь есть повсеместно (чего в СССР тоже, разумеется, не было). Конечно, этот туризм напоминает путешествие по кишечнику Левиафана, но... Среди непрерывных фрагментов уничтоженной культуры часто попадаются куски просто уникальные. То, что способно привести в мрачный

восторг и оцепенение. Я уже не говорю о природе. К тому же любое перемещение в новом пространстве есть форма познания. Любое, отличное от нормы, направление мыслей и есть отдых. Зачем убивать клетки, если можно их восстанавливать? Переформатировать? Чем разнообразнее ход мысли, тем лучше. Смена реальности стимулирует мыслительный процесс. Подталкивает к новым идеям. Интеллектуальное возбуждение и есть лучший отдых, для меня, во всяком случае, это несомненно так. В пути можно написать то, что не напишешь дома из-за чрезмерной близости объекта. Свой очерк о русской деревне, например, я написал в Дамаске, а роман «Фес» о посмертных странствиях души — в бесчисленных провинциальных гостиницах России. А теперь скажи мне, что мотивирует твоих сограждан «менять обои»?

{Философ} Отчасти мотивы похожи. В Германии уклад жизни строг, от своих граждан страна требует немыслимой для большинства иностранцев самодисциплины. Не только в работе, но и на дорогах, в магазинах. Даже в кабаках. Здесь вообще распространен слух, что Германия не страна, а фирма. Ты и в самом деле находишься здесь в рамках, ты в подчинении жестким правилам, причем речь именно о самодисциплине, поскольку немцы избегают неприятных разговоров и накладывают санкции без предупреждений. Часто они по-человечески несправедливы, но всегда основаны на действующих правилах. Последовательно, методично и жестко. Лишь за границей, где немцев если не любят, то хотя бы уважают, можно почувствовать себя королем. То есть расслабиться и заявить о праве на капризы. Поэтому «простой народ» особенно охотно путешествует в южном и (с недавнего времени) восточном направлениях. Там, где живут более сердечные и «отвязные» люди. Которые к тому же умеют угождать (не будучи при этом холопами), а также проявлять эмоции и сексуальность, не задумываясь при этом об экологической, политической и социальной ответственности.

Молодые немки, если они путешествуют в одиночестве, любят мужское внимание. Но при этом они хотят доказать себе и «этим идиотам-сексистам», что способны не только постоять за себя, но и перевоспитать их. Подобные истории — это «сувениры», которыми развлекаются на скучных немецких вечеринках. При том, что путешественницы позволяют «дикарям» куда больше, чем своим —

дрессированным. Наоборот, молодые люди чаще путешествуют группками, чтобы в компании как следует «оторваться». А если ты одиночка, то это обязательно вызов: испытать себя в непроверенных, несертифицированных условиях заграницы. Такие возвращаются героями и докладывают о своих приключениях. Семьи ценят детолюбивых южан и хороший климат. Парочки — экзотические ландшафты, чтобы было, что вспомнить. Отпуска в Германии долгие (американцы завидуют и недоумевают), задолго спланированные и почти всегда экономные. У меня вообще сложилось впечатление, что в любую страну мира дешевле ехать из Германии. Приехать и уже тут заказать поездку. В студенческие годы и на пенсии отпуска иногда приводят к длительным скитаниям или вообще перемене места жительства. Ну и внутренний туризм, конечно. Благо, региональные пейзажи многоплановы и колориты. Через сто километров от Бонна на запад начинается сугубо католический Эйфель (Eifel). Виноградники, многолетние семьи, странные диалекты и поверия. Там часто нет мобильной связи, а в винных подвалах «застревают» группы китайских туристов. Сто километров на восток — это Зауэрланд (Sauerland). Там холодно, поэтому аборигены скрытные, но прямодушные. Земля снега и воды. На севере попадаешь в «Котел» («Pott») — десятки постиндустриальных агломераций, богатых «пролетарской культурой». На юге рейнские долины — романтика замков и махровые немецкие патриоты. Германия богата туристическими возможностями, это правда. Но для многих немцев она все еще большая экзотика. В отличие от Майорки, кстати. Которую «простой народ» давно считает частью Германии.

Продолжение следует.